

Диалог Варшавы и Парижа об аксиологии эмиграции (на материале писем Д. Философова к З. Гиппиус и газеты «За свободу!»)*

ОЛЬГА ДЕМИДОВА

(Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина)

В статье представлена реконструкция нескольких фрагментов того не прекращавшегося на протяжении двух межвоенных десятилетий диалога-противостояния между эмигрантскими провинцией и столицей, который выстраивался на уровне повседневной жизни диаспоры во всем многообразии ее внутренних связей, взаимоналожения событий, переплетения судеб и получал официальное отражение в материалах эмигрантской периодической печати, а неофициальное – в мемуарах, дневниках и эпистолярии эмигрантов. В основе статьи – межвоенные варшавские письма Дмитрия Философова к Зинаиде Гиппиус в Париж¹ и во многих случаях достаточно легко «вычитываемые» из них письма Гиппиус к нему, а также оригинальные материалы варшавской газеты «За свободу!», во главе которой стоял Философов, и перепечатки материалов эмигрантских газет, польских периодических изданий, а также перепечатки из советской периодики в тех и других. Периодическая печать регистрирует события, избегая оценок или вынося оценки преимущественно политического и идеологического характера. В письмах эти события осмысливаются, становясь предметом полемики, основанной на оценках широкого

* Artykuł powstał w ramach kierowanego przez dr hab. Annę Sobieską projektu „Spojrzenie z ukosa...” *Kultura i literatura rosyjska oczami Polaków (na materiale czasopism polskich okresu międzywojennego)*. Grant NCN umowa nr UMO-2012/07/E/HS/03861.

1 Общее количество варшавских писем Философова к Гиппиус (Мережковским) – тридцать (с 1920 до 1932 гг.), шесть из них написаны до лета 1920 г. и относятся к тому недолгому периоду, когда все трое были в Варшаве и принимали участие в антибольшевистской борьбе, остальные – к периоду после разделения «тройственного союза» и отъезда Мережковских в Париж; первое из имеющихся в моем распоряжении писем датировано 6 сентября 1924 г.; оригиналы хранятся в: Amherst Russian Center. Zinaida Gippius and Dmitrij Merezhkovsky Papers. Series I. Subseries 1. Filosofov Dm. (без нумерации страниц); письма цитируются по разрешению куратора архивного собрания проф. С. Рабиновича; дата письма указывается в тексте в круглых скобках после цитации.

аксиологического спектра. С точки зрения хронологической материалы периодики одноплановы: речь в них идет о происходящем сейчас, тогда как письмам присуща выраженная ретроспективность: Философов не только возвращается и возвращает адресата к событиям доэмигрантской поры, воспринимая на их фоне происходящее теперь, но и сопоставляет прежние, доэмигрантские взгляды и позицию Гиппиус (Антон Крайнего) с нынешними. Рассказывая о варшавских «событиях» мая 1926 г. (перевороте маршала Юзефа Пилсудского), например, он пишет, что они дались ему «очень тяжело»:

» Когда приходилось прятаться в подворотню, запасаться колбасой, отгадывать, что это: пулемет или какая-нибудь шрапнель и при этом непрестанно шмыгать в редакцию, овладевала «премирная тоска». Так все это (с внешней стороны) знакомо, так это «было когда-то»...

В письме от 15 сентября 1926 г., упрекая Гиппиус в нежелании занять определенную позицию и высказываться открыто: «*При царской цензуре ты говорила более человеческим языком, нежели теперь*» [курсив Философова – О. Д.].

Единую для эмиграции аксиологическую триаду «Россия, свобода, память» Философов рассматривает с точки зрения активного противостояния большевизму вплоть до террора как одного из средств политической борьбы, которого он последовательно придерживался в варшавские годы, см., напр., цитированное выше письмо от 15 сентября 1926 г.: «Если мы бежали, то бежали [...] для того: 1. чтобы бороться с больш^евиками»; 2. говорить полным голосом». Соответственно, задачу эмиграции он видит в том, чтобы всеми силами содействовать освобождению России, ведя с советской властью беспощадную борьбу всеми доступными честному эмигрантскому литератору средствами и храня память о жертвах, в этой борьбе принесенных. При этом вера в необходимость и возможность «активных методов борьбы» сочетается у Философова с неприятием как либеральной, так и монархической идеологии и той политической «суеты», которой в эмиграции все более подменялся активный антибольшевизм (в терминологии Философова – реальное дело²). Поэтому он не признает ни берлинского (впоследствии парижского) кадетского «Руля», ни парижских «Последних новостей» Павла Милюкова и монархического «Возрождения» Абрама Гукасова, ни печатавшейся по новой орфографии пражской «Воли России». Ему, как и его варшавским «мальчишкам» – подросткам в эмиграции молодому поколению «совершенно нового типа»,

2 См., напр., письмо от 9 июня 1926 г.: «Я внутренне понял, что *сейчас*, в эмиграции, партийные «лидеры не более, как пробки, плавающие по воде и с *живой* водой ничего общего не имеющие. Если они имеют успех, то только потому, что «живая» вода превращается в *мертвую*. Это страшно» [курсив Философова – О. Д.].

у которого есть «пафос и жертвенность *активная*»³, «по духу» была гораздо ближе выходящая в Париже «Борьба за Россию» Владимира Бурцева, которую они «самоотверженно с опас<остью> для жизни» переправляли в Россию⁴.

Именно отношение к реальному делу становится линией разграничения между Варшавой и Парижем – по мнению Философова, в пользу Варшавы:

» Да, все мы сидим на разных болотах. Но категорически утверждаю, что наше болото самое «жизненное». У Вас только эмигрантск<ие> лягушки. У нас – кулики, бекасы, выдры, «полещуки». У нас 7 мил<ионов> православных да миллиона 2 евреев *русской* культуры. Все они не эмигранты. Кроме того, опять повторяю: нас читают (о, как внимательно) *все* польские газеты! [...] А разве кто-нибудь из французозов читает «Посл<едние> Нов<ости>» или из немцев «Руль»? Разве обращаются французские *подданные* или немецкие *подданные* за защитой в ред<акции> «П<оследних> Н<овостей>» или «Руля»? Словом, *реализму* у нас, конечно, больше. Меньше жеванной резинки. У вас же жеванная рез<инка> процветает. [...] Потому что нет тем. Нет р е а л ь н ы х тем [26 февраля 1925 г.; курсив Философова, выделение п/ж мое – О. Д.];

По совести скажу, наша газета – сейчас самая свободная из всех. [...] А сколько тем! (9 июня 1926 г.);

16 сентября 1927 г., после «дела Коверды» и убийства Осипа Трайковича⁵:

- 3 О «мальчишках» Философов писал: «Молоды они очень, зелены. Есть в них Коля Красоткин. Есть излишняя “удаль”. Но как их осудить? Я с ними не общаюсь, они дети М.П. [Арцыбашева – О. Д.]. Но мешать им, конечно, не буду, а по мере сил выгораживаю» (16 сентября 1927 г.)
- 4 «Борьба за Россию» – еженедельник (журнал), основанный в конце ноября 1926 г. известным эссе-ром В.Л. Бурцевым для «широкого объединения» антибольшевистских течений эмиграции и для того, чтобы положить начало «действенной работе для установления более тесной связи с Россией и для проповеди активизма» (*Литературная энциклопедия Русского зарубежья*, т. 2, Москва 2000, с. 45). Ставка делалась на свержение советской власти как чуждой народу, при этом опираться предлагалось на объединенные силы внутренней России и эмиграции и прежде всего – на молодежь. Газета Философова сотрудничала с «Борьбой за Россию» с года основания последней; 1 августа 1927 г. было заключено соглашение о бесплатной доставке парижского издания подписчикам «За свободу!».
- 5 Коверда Борис Софронович (1907-1987) 7 июня 1927 г. в упор застрелил на главном варшавском вокзале советского полпреда в Польше П. Войкова и сдался полиции; польским судом был приговорен к 10 годам каторжных работ, 15 июня 1937 г. вышел на свободу и, как сообщает Д. Зубарев, летом 1944 г. «вероятно [...] покинул Польшу вместе с основной массой живших там русских» (*Амфитеатров и русские в Польше (1922- 1932)*, публ. Д.И. Зубарева, в: *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 22, Санкт-Петербург 1997, с. 395); подробнее см. в: *Дело Б. Коверды*, Warszawa – Париж 1927 [1928].

» Из положения «пис<атель> попис<ывает>, чит<атель> почитыв<ает>» мы вышли на худую или хорошую, но *реальность*. А это для меня, по крайней мере, очень важно. Когда есть «гонение», усиливается «сопротивляемость». [...] Лучше «гонение», с некоторым реальным действием, нежели «свобода» – спорить о том, [...] как примирить Вишняка с Буниным и перевоспитать Милюкова. Я это говорю без полемики. Просто предпочитаю арбуз.

Одна из таких реальных тем, размышления о которой дают самый непосредственный повод для ретроспекции – мысленного возврата к проблематике первого совместного сборника-манифеста Мережковских и Философова 1907 г. *Царь и Революция* – положение православия в польской ветви диаспоры. Весной 1925 г. в Виленской православной епархии образовалось «новое сектантское общество», и «сенатор Вячеслав Богданович, депутат Сейма Михаил Коханович (по последним сведениям, бежавший в Советскую Россию [...]) и еще восемь лиц 7 апреля с.г. подали нотариальное заявление гражданской власти о том, что они составили особую Виленскую Церковную Общину под названием *Виленской Общины Древле-Православной Церкви*». По данному сотруднику «За свободу!» и опубликованному в номере 144 (1548) газеты от 4 июня 1925 г. разъяснению высшей церковной власти православной церкви в Варшаве, виленскому епархиальному начальству было предписано отлучить совершивших грех вероотступничества от церкви, однако «прискорбное явление отпадения от православия группы лиц осложнилось еще более прискорбным фактом»: архиепископ Виленский Феодосий «по невыясненным еще причинам не исполнил данного распоряжения и задержал его опубликование». Под этим *Разъяснением Высшей Церковной Власти* в том же номере было опубликовано *Письмо В.В. Богдановича архиепископу Феодосию*, в котором образование отдельного прихода объяснялось желанием «сохранить каноническую чистоту нашей церковной жизни», поскольку «сектанты» не признавали законными «тот церковный строй и ту иерархию», которые были созданы покойным митрополитом Георгием «путем заведомо ложного толкования воли св. патриарха Тихона, путем искажения присланного патриархом *Положения о высшем церковном управлении в Польше*» и не желали «входить в то новообразование, которое носит название «Православной Автокефальной Церкви в Польше, до тех пор, пока это новообразование не примет канонического характера и не будет признано всеми автокефальными каноническими церквами, а прежде всего тою церковью, от которой оно отделилось». В следующих выпусках газеты с пометкой «от нашего виленского корреспондента» в подчеркнутом беспристрастном ключе подробно освещался ход дела, завершившегося опубликованием в виленских газетах заявлений некоторых из «раскольников», в том

числе сен. Богдановича, опровергающих их «отпадение» от церкви, и решением Синода не подвергать их анафеме и отлучению от церкви⁶.

В письме от 19 июня 1925 г. Философов представляет детальный анализ и оценку произошедшего, вновь возвращаясь к тому, что когда-то было задумано и частично осуществлено в России:

- » По существу здесь, в Польше, плацдарм очень интересный и сложный. Не знаю, обратила ли ты, напр., внимание на «раскол» в здешней православной церкви. Он очень интересен как показатель падения православия. Спорят о пустяках, занимаются политиканством, а о православии как о религии не думают. Думают как о *быте*, напоминая быт «доброе старое времени» [курсив Философова – О. Д.]. Любопытно, что даже радикальная наша интеллигенция почему-то горой стоит за Тихона и отрицает его подозрительную роль по отношению к большевикам. Как будто «несть власти аще не от Бога» не представляет собой самого ядра казенного православия. Как будто вопрос о цезарепапизме можно с легкостью обойти. Только теперь проблемы Рел<игиозно>-Фил<ософского> о<бщест>ва стали злободневными, а Лосские, Карташевы, Карсавины, Струве и даже Чириковы!!! их замалчивают и гарцуют на старых дрожжах. [...] И с таким-то запасом мы хотим возвращаться в Россию. До сих пор спорят, кто «погубил» Россию: керенщина или «камарилья», кого избрать «новым» вождем, Белинского или Достоевского, или Никол<ая> Никол<асевича>, а о православном факторе гибели России молчат. Только я что-то лопотал на эту тему, тему о крушении Третьего Рима, а меня заподозрили в пропаганде католичества.

В следующем письме, от 30 июня, Философов продолжает полемику:

- » Здесь видно, как коротка кишка у Дмитрия. Он, именно он, вправе бросить «тактику» и откровенно сказать, что если православие не умрет – не воскреснет. А все Карташевы и Струве готовят новый цез<аре>пап<изм>, а Демидовы – какое-то старообрядчество, безобидный музей, необходимый для «реупр'я» и безопасный для Милюкова [...] Наоборот, именно признав автокефалию, можно

⁶ *Раскол среди православных в Вильне, «За свободу!»* 1925, № 144 (1548), 4 июня; И-ч, *Отлучение от церкви, ibidem*, № 145 (1549), 5 июня; *Вокруг отлучения от церкви, ibidem*, 1925, № 147 (1551), 7 июня; *Решение Синода в Вильне, ibidem*, 1925, № 150 (1554), 10 июня.

было бы спасти в Польше православие и обороняться от католиков и большевиков, чему польское правительство было бы радо, потому что боится и тех, и других.

Завершается письмо саркастическим замечанием:

- » «Дни» переезжают в Париж. У вас будет 5 газет, с чем и поздравляю. Сергей Неклюдов (помнишь?) говаривал 30 лет тому назад, что во Пскове напрасно существует две паршивых газеты. Лучше бы одна, но приличная.

Вопрос о «тактике» становится едва ли не основным критерием, определяющим мировоззренческое и экзистенциальное отличие Парижа от Варшавы. Сам термин, неизменно заключаемый Философовым в кавычки, представляет собой очевидную ироническую отсылку к «новой тактике» Милюкова, объявившего на собрании группы кадетов-эмигрантов в мае 1920 г., что открытую вооруженную борьбу извне против большевиков следует признать законченной и вследствие этого направить основные усилия на разложение советской власти изнутри («внутренними силами»). По твердому убеждению Философова, «тактика» как теоретическое основание и руководство к практической деятельности по существу ведет к бездеятельности, «пустому кипению» и недопустимому эстетству, в конечном итоге – к попытке самообмана и к добровольному отказу от возможности свободно говорить полным голосом. «Тактика» неизменно и достаточно жестко противопоставляется активизму, и выбор, который делает в пользу той или другого каждый эмигрант, определяет его понимание задач / миссии эмиграции и отношение к тому, что Философов рассматривает как эмигрантский долг в целом и долг писателя, особенно писателя старшего поколения, в частности, в эмиграции. Кроме всего прочего, от этого выбора зависит судьба эмиграции как таковая. Именно поэтому столь неприемлимой оказалась его полемика с Гиппиус, вызванная ее решением по «тактическим» соображениям отказаться от сотрудничества в парижских «Современных записках», о котором она сообщила Философову в письме от 11 августа 1926 г. (в результате этого решения впоследствии, с декабря 1927 г., ее статьи публиковались в монархическом «Возрождении»).

В ответном письме от 3 сентября Философов вновь отчетливо противопоставляет Париж и Варшаву:

- » Для того чтобы иметь свободу говорить *почти* все, что хотим, мы должны были с Арц<ыбашевым> заплатить очень дорогую цену. Нас травят самым организованным образом: и клеветой, и бойкотом,

а иногда и доносами. (Все это проделывают «честные» демократы). Но нам кажется, что свобода писать так важна, что мы пошли на все эти «прелести». Ты избрала другой путь. Признала, что Милюковы и Вишняки тебя победили. И тот, и другой метод имеет свои хорошие и дурные стороны. Постепенно люди *мыслящие* уходят с горизонта, и старые политики, как ни в чем не бывало, продолжают вить свою паутину [курсив Философова – О. Д.].

В письмах последующих тринадцати месяцев Философов выстраивает своего рода «платформу», недвусмысленно определяя свое отношение к проблеме писательской свободы и писательского долга.

15 сентября 1926 г.:

- » Ты приносишь «жертву», чтобы быть вместе с Милюковыми, но тут же констатируешь, что этого «вместе» нет и быть не может. [...] И с кем ты вместе? В чем выражается это вместе? В том, что ты молчишь при вооруженном нейтралитете Милюковых. Но думаю, что если бы ты откровенно отказалась от дара слова, тогда сближение с М<илюковым> было бы еще ближе.

2 июня 1927 г.:

- « Мне слишком отвратно твое якшание с Милюковым [...]. И если ты у нас в газете будешь ходить между рюмками Леона Блюма как ангорский кот, то лучше у нас не пиши. Мы – люди грубые и признаем лишь бегемотов в посудной лавке, но не ангорских котов среди хрустала.

Это письмо стало ответом не только на личное письмо Гиппиус к Философову, но и на ее открытое письмо в редакцию «За свободу!», опубликованное в газете под названием «Неловкость» 22 мая 1927 г. и, в свою очередь, ставшее ответом на появившиеся там же ранее статью Философова *Гроб поваленный* и заметку Игоря Северянина *Шепелявая тень*. Подчеркнуто резкое письмо Гиппиус, формально написанное в защиту парижского «Звена» и поэзии Георгия Адамовича и Георгия Иванова, по сути было направлено против Философова и являлось своего рода отповедью ему, ср.:

- » Философов находит, что я, в эмиграции, из Антона Крайнего превратился в Антона Среднего, и даже сравнивает меня с котом Леона Блюма, который так осторожно и мягко ходит по столу, что ни

одной рюмки не опрокидывает. Насколько я понял, Философов меня жалеет: ему кажется, что ходить подобным образом я п р и н у ж д е н, хожу волей-неволей; т.е., прямее, – что эмигрантская пресса, внутренняя цензура известных газет, стесняет свободу моего слова. [...] Я хочу, наконец, узнать, в чем именно обвиняет редакция «За свободу!» «Звено»: в том ли, что оно в о о б щ е занимается эстетикой? Или что у него п л о х а я эстетика? [...] Вообще – н о в а я п р о с т о т а и скромность – главная черта современных поэтов – настоящих. Я понимаю, редакции «За свободу!» неоткуда все это знать; где ж ей следить за поэзией, да и охота ли? [выделено Гиппиус – О. Д.]⁷.

Заявленное в статье Гиппиус противопоставление «эстетики» деятельному активизму Философов в письме от 11 июня 1927 г. разворачивает как экзистенциально-нравственное противопоставление подчеркнуто изысканному эстетству парижан варшавской суровой правды жизни:

» Ты плетешь тонкие брюссельские кружева, а у нас тоже кружева, только из fil barbelé. Твои кружева страшно разорвать, а наши кружева страшны, потому что нас разорвать могут. [...] Я вполне признаю твои кружева, но они для меня «музей», «дягилевские балеты» и благоглупости Адамовича. [...] И опять-таки это не в осуждение. Я только иллюстрирую разницу наших «языков».

16 сентября 1927 г.:

» «Нов[ый] Корабль»⁸, как старосветская барышня, вынимает из своей книжки «сушеные цветы» с ленточкой. Выходит смешно, ненужно и страшно скучно. У тебя, мне кажется, вот какая ошибка. Все Милюковы, Вишняки, Струве так или иначе признают «тактику». Ничто так не связывает свободы слова, как тактика. Твоя привилегия в том, что ты такой тактикой можешь быть не связана. И ты этим даром не хочешь пользоваться! [...] Если бы ты с Дм<итрием> стали жарить в «Нов<ом> Кор<абле>», не соображаясь с тактикой, вы имели бы большой успех,

7 З.Н. Гиппиус, *Неизвестная проза в 3 т.*, т. 2, Санкт-Петербург 2002, с. 306, 308.

8 «Новый корабль» (Париж 1927-1928, № 1-4) – литературный журнал, основанный Гиппиус и Мережковским после прекращения журнала «Новый дом» (Париж 1926-1927, № 1-3); подробнее см. в: *Литературная энциклопедия...*, т. 2, с. 266-270; 263-266.

и не только «скандала». Но почему-то, борясь с тактикой, ты сама связала «Н<овый> К<орабль>» тактикой, и все там мямлят. Выходит *Вампука*⁹. Поспешим, поспешим, и ни с места [...]. Без «героизма» же камня в стоячую воду не бросишь, движения воды не будет¹⁰.

Как известно, журналы «Новый дом» (Париж, 1926-1927, № 1-3) и «Новый корабль» (Париж 1927-1928, № 1-4) были журналами, основанными молодыми парижскими литераторами, однако доминирующее положение в обоих изданиях занимали Мережковские (Гиппиус публиковалась в них как под своим именем, так и под псевдонимами «Антон Крайний» и «Л. Пущин»). И это обстоятельство в очередной раз актуализирует в переписке проблему ответственности «стариков» перед «молодежью», т.е., «вечный» вопрос об «отцах» и детях», в приложении к эмиграции перерастающий в вопрос о судьбе молодого эмигрантского поколения, о том, что оно собой представляет и каковым должно быть.

В первый раз тема «отцов» и «детей» возникает в письме Философова от 24 ноября 1924 г., написанном после поездки в Прагу:

» Прага на меня произвела очень грустное впечатление. Какая-то богадельня с затхлым запахом. «Мертвый Дом». Проблема «отцов и детей» стоит очень остро. Отцы – молью трачены, а дети – такие «безобразные утенки» из Андерсена. Совсем другая биография, другие навыки и никакого знания. Старшие – все «знают» и ничего не «понимают». Младшие все как будто понимают и ничего не знают. Они меня преследовали своими «запросами». Налево им тоскливо, направо им противно. Очень остро ощущают, что «духом» их никто не занимается. Налево сумасшедший Качеровский (помните!) заставляет их изучать «юридический строй общины», направо – С.Н. Булгаков плодит в своем «православном кружке» кликуш с мистикой, добродетелью и лицемерием. И все друг друга боятся, как бы не сказать лишнего, а то вдруг лишат стипендий. Я вошел с ними в заговор, что буду в «Свободе» дебатировать эти темы и немножко хоть постараюсь открыть форточку в затхлой пражской атмосфере.

9 Речь идет о театральной пародии *Вампука, невеста африканская* (муз. и либретто В.Г. Эренберга, реж. Р.А. Унгерн), поставленной в театре миниатюр «Кривое зеркало» в 1909 г. и пользовавшейся огромной популярностью; подробнее см. в: А. И. Дейч, *Голос памяти. Театральные впечатления и встречи*, Москва 1966, с. 89-92; К.Г. Крыжицкий, *Дороги театральные*, Москва 1976, с. 214-219; Л.И. Тихвинская, *Кабаре и театры миниатюр в России. 1908-1917*, Москва 1995, с. 37-67, 205-284.

10 В письме от 29 октября 1927 г. Философов продолжает эту тему: «Свободы ведь вообще нет и быть не может. Даже в своем журнале. Уж кажется, Н<овый> Д<ом> и Н<овый> К<орабль> были ваши, и то вы себя связали по рукам и ногам (что меня и обозлило)».

В последующие годы предметом сравнения становятся парижская и варшавская молодежь; квинтэссенция этого сравнения, демонстрирующая разницу «языков» Парижа и Варшавы, представлена в письме от 11 июня 1927 г.:

» Верю в твою молодежь. Очень хорошо, что после Каннов и Грассов они начнут на американские деньги спокойно говорить на божественные темы и спорить с европейцами. Но мне фактически ближе здешняя молодежь, здешний «орден», из которого вышел Коверда, которого я никогда в глаза не видал и не знал даже о его существовании. [...] Он совершенно новый продукт, и насколько я слышал, он из тех «выюношей», которые, разочаровавшись в «отцах», хотят действовать сами, за свой страх и риск. Он уже не Конради, у него нет старых счетов. Его первые слова были: «Я не знаю, какая Россия будет, я только знаю, что большевики ее губят». Он ведь хотел непременно ехать в Россию [...] Он хотел там «работать». [...] Словом, так: божественные разговоры после Каннов и Грассов меня *радуют*, а поступок Коверды мне дает силу жить. Значит, есть еще молодежь¹¹ [курсив Философова – О. Д.].

Очевидно, что для Философова единственно приемлемая позиция эмиграции есть основанная на активном антибольшевизме позиция деятельного жертвенного героизма. Носители и выразители этики героического представлены в письмах на уровне высших образцов – иными словами, героизм у Философова персонифицирован, при этом весьма показательно, что не все эти «образцы» – русские и не все эмигранты, однако все в той или иной степени и в различных формах приносят жертву во имя Дела. Старшее поколение представляют Конради, Арцыбашев и Пилсудкий; младшее – «мальчишки» Коверда и Трайкович. Контекст событий и контекст писем позволяют утверждать, что в восприятии Философова каждый из них героичен по-своему, что дает основание говорить об определенной типологии героизма «по Философову». Русский эмигрант и русский литератор, ощущавший себя как гражданин-патриот, Михаил Петрович Арцыбашев, «ценность» которого, по определению Философова, «в пафосе героической борьбы с большевиками» (9 июня 1926), являет собой пример героя-делателя, выполняющего свой долг, жертвенно «тянущего лямку» в условиях тяжелой повседневности эмигрантской газеты, ведущего борьбу с большевиками и защищающего интересы русских

11 См. также характеристику варшавской молодежи в письме от 29 октября 1927 г.: «У них два “пафоса”: 1. сохранить национальное лицо, т.е. не ополячиться; 2. резкий антибольшевизм. У большинства тяготение к церкви. Во всем остальном – элементарное невежество. [...] Ни одной твоей статьи они при самой доброй воле просто не *поймут*. А по существу материал прекрасный [...] За десять лет и в России, и за границей подросли новые люди, надо о них думать, за них бороться».

эмигрантов и русского меньшинства в Польше. Швейцарец по происхождению и швейцарский гражданин, с 1921 г. живший в Цюрихе, но при этом русский офицер, участник Первой мировой и гражданской войн, Георгиевский кавалер, галлиполиец Мориц Морицевич Конради – герой-мститель, осознанно жертвующий жизнью ради исполнения долга перед погибшими от рук большевиков членами своей семьи (умершего после побоев в петроградской ЧК отца и расстрелянного в числе заложников дяди). 10 мая 1923 г. в Лозанне он убил советского полпреда в Италии Вацлава Воровского, чтобы отомстить за гибель родных. «Дело Конради» 1923 г. широко освещалось в газете Философова и в польских газетах, а Арцыбашев своей статьей *Показания, представленные на суд в Лозанну* (1923, 22 и 24 ноября), выступая как свидетель против большевизма, в значительной мере способствовал оправданию Конради. К сожалению, мы не располагаем письмами Философова к Гиппиус 1923 г.; в имеющихся в нашем распоряжении письмах имя Конради упоминается лишь один раз и в сравнительном ракурсе: в цитированном выше письме от 11 июня 1927 г. Философов пишет о Коверде, что тот – «уже не Конради», а совершенно новый тип героя-борца¹².

Польский военный, политический и государственный деятель Юзеф Пилсудский, совершивший т. н. «майский переворот» 1926 г., широко освещавшийся в «За свободу»¹³, стал для Философова примером героя-вождя и истинного отца нации, бесстрашно идущего на риск политика-гражданина, до которого далеко «отцам» русской эмиграции:

» Пилсудский меня порадовал, в нем есть большая внутренняя честность и активная жертвенность. Для того, чтобы сказать «на всю Европу» – что вы сделали из Польши – всеобщее посмешище [...] нужно быть человеком большого мужества и большой, требователь-

12 Вместе их фамилии упоминает и К. Бальмонт в стихотворении *Буква «К»*, в котором оба как борцы против большевиков поставлены в один ряд с Ф. Каплан и Л. Каннегисером, ср.: «И да запомнят все, в ком есть / Любовь к родимой, честь во взгляде, / Отмстили поправную честь / Борис Коверда и Конради».

13 См., напр., вышедшие сразу после варшавских событий 12-14 мая 1926 г. двоенные номера газеты от 15-16 и 16-17 мая, № 110 (1841) и 111 (1842) с подробным почасовым освещением трех дней «майского переворота» на основании сообщений корреспондентов «За свободу!», рассказов очевидцев и материалов польских газет; номер от 15-16 мая вышел под общей шапкой на первой странице «События в Варшаве. Войска маршала Пилсудского заняли столицу. Бои на улицах Варшавы. Правительство находится в Бельведере»; в номере были детально реконструированы события всех трех дней, от правительственного обращения к гражданам до судьбы свергнутого правительства Витоса и назначений в новом правительстве; номер от 16-17 мая вышел под общей шапкой на первой странице «Победа маршала Пилсудского. Г-н Президент республики Войцеховский подал в отставку. Председатель Сейма исполняет обязанности президента», на этой же странице были опубликованы сообщение генерального штаба от 15 мая, обращение правительственного комиссара «К населению Варшавы», протокол последнего заседания совета министров кабинета Витоса и мн. др.

ной любви к родине и людям. Страшно мне за него, потому что он «хочет того, чего нет на свете...» [...] Армия (громадная ее часть) готова сделать, что он прикажет. Но *строить* он хочет с людьми «доброй воли», без партийных склок. Без Струве, Милюкова и Кусковой. А это, ох, как трудно. [...] Все, что есть в Польше потенциально творческого, молодого душою, на его стороне. Есть аналогия с нашей эмиграцией. Ведь правящие верхи Польши до сих пор были «бывшие эмигранты», принесшие с собою в новую Польшу свары и навыки Польши разделенной. Европейцу не понять, что Пилс<удского> ненавидят не за его «левизну». Ведь один из его главных противников бывший министр нар<одного> просв<еще-ния> Станислав Грабский был тоже социалистом! Его ненавидят за то, что он стал объединяющим символом молодой Польши, тогда как долгие годы подготовлявшийся в Париже «национ<альный> польский комитет» остался «историческим» воспоминанием из истории польской эмиграции. Тут не столько социальная и политическая пропасть, сколько пропасть психологическая, между людьми психологии довоенной и послевоенной. Как бы Милюков и Струве ни изворачивались наизнанку, они «плачут на реках вавилонских», а не града гряд<ущего> взыскивают.

Белорус, уроженец и житель Вильно, сын народного учителя Борис Коверда воспринимается как герой-мститель, бесстрашно жертвующий собой во имя отечества (ср. его фразу «Я отомстил за Россию, за миллионы людей»). *Дело Коверды* освещалось всеми польскими газетами и всеми газетами эмиграции; «За свободу!» помещало материалы дела, судебного заседания (с 9 июня 1926 г.), речи Коверды, обвинения и защиты, приговор¹⁴. Первоначально Коверда был приговорен к пожизненным каторжным работам, впоследствии приговор смягчили до 15 лет, из которых Коверда отбыл десять и в 1937 г. был амнистирован; возможно, не последнюю роль в этом сыграл отклик «За свободу!» – статья Философова – на попытку самоубийства, предпринятую Ковердой 11 июля 1931

14 Суд проходил на польском языке, материалы перепечатывались в «За свободу!» в русском переводе. В 1927 г. в Варшаве «Союзом юристов с восточных окраин Польши» (т. наз. кресов) по-польски была издана книга о «деле Коверды», в том же году в парижском издании «Возрождение» вышел русский перевод: *Дело Коверды. Июнь 1927. (Убийство Войкова и дело Бориса Коверды)*. Перевел с польского и дополнил W (С. Войцеховский). В послесловии Войцеховский писал: «И, может быть, главное значение этого поступка не в самом факте обособленного и не организованного террора, а в том, что в лице Коверды против коммунистической власти восстал представитель молодого, только что начинающего жить поколения русского народа. [...] В поступке Коверды, в наличии смелости и патриотизма в молодом русском поколении, приходящем на смену усталым бойцам, залог ее возрождения» (*Дело Коверды*, с. 117, 118).

года. Философов писал о необходимости «объективного и компетентного медицинского обследования» Коверды и лечения его «вне тюремной обстановки», что «вполне возможно в рамках действующего закона». Перепечатавшее статью парижское монархическое «Возрождение» от лица русской эмиграции выразило надежду, «что на этот раз польское правительство и общественное мнение обратят внимание на трагические осложнения в судьбе Коверды и сделают из этого надлежащие выводы» (1931, 3 августа, № 2253).

Осип (Иосиф Иосифович) Трайкович, русский эмигрант, родившийся и проживающий в Вильно, польский подданный, сын состоятельного гражданина Вильно, убежденный монархист по взглядам, поддерживавший отношения с русскими монархистами не только в Польше, но и в других странах рассеяния; председатель виленского «Культурно-просветительного кружка», 2 сентября 1927 г. при невыясненных обстоятельствах был убит в советском посольстве / полпредстве в Варшаве. Убийство произошло между 10 и 11 ч. утра, представители полпредства сообщили о происшедшем полиции в полдень. На событие откликнулись многие польские газеты: «Экспресс поранный», «Курьер поранный», «Варшавянка», «Наш пшеглонд», «Пшеглонд вечерный», «Глос правды», «Дзенник виленски». «За свободу!» с 4 по 27 сентября публиковало перепечатки из польских газет, сообщения Польского телеграфного агентства и собственные материалы под сенсационными заголовками: *Таинственное убийство в советском посольстве в Варшаве* (4 сентября), *Кровавая расправа в советском посольстве* (6 сентября), *Кровавая расправа в советском посольстве. Следствие продолжается* (7 сентября) и мн. др. Наконец, на первой странице номера от 27 сентября был опубликован *Эпизод дела об убийстве Трайковича*. «Дело Трайковича» и широкое освещение его как в эмигрантской, так и в польской прессе, развенчивающее советскую версию об убийстве как о вынужденной самообороне, вызвали в посольстве довольно сильную панику; в письме от 16 сентября Философов писал Гиппиус:

» Настроение в здешнем полпредстве отчаянное. Они боятся выходить на улицу. Жена Ульянова [заместителя Войкова – О. Д.] от страха выкинула. Словом, по нашим маленьким силам, эффект получился большой.

Философов подчеркивает, что «большевики убили Трайковича не как «убивцу», он не был вооружен, а как одного из видных и энергичных борцов», и в таком освещении Трайкович предстает как один из молодых борцов, отдавший жизнь во имя Дела, добровольно принеший осознанную жертву, совершивший подвиг, т.е. – как истинный герой, для которого героизм является нормой активной жизненной – антибольшевистской – позиции.

Однако во второй половине 1920-х гг. эмигрантская действительность давала все меньше оснований надеяться на возможность появления героев, готовых жертвовать жизнями во имя святого дела борьбы. Уже в 1925 г. Арцыбашев пишет в *Записках писателя* – своей постоянной рубрике в «За свободу!» – об «эмигрантской вобле». В 1926 г. в письмах Философова неоднократно появляются горестные размышления о конце эмиграции¹⁵. В письме от 11 июня 1927 г. он призывает Гиппиус «тряхнуть стариной»: «Хоть бы ты написала в “Посл<едних> Нов<остях>” статью *Нельзя и надо*», тем самым в очередной раз взывая к Гиппиус времени их совместного сборника 1907 г. и апеллируя к опубликованной в нем статье *Революция и насилие*, в которой Гиппиус вывела свою знаменитую формулу «Надо и нельзя. Нельзя и надо» как способ религиозного оправдания террора «Боевой организации» Бориса Савинкова. В письме от 9 августа 1929 г. Философов вынужден с горечью признать:

» Героический период эмиграции прошел окончательно. Есть еще несколько безумцев из молодежи, которые все еще ездят в Россию. Мне совестно им смотреть в глаза. Увы, они и сами чувствуют себя “одинокими”, и как они презирают нас, стариков!

Наконец, в письме от 22 июля 1930 г. представлено, пожалуй, самое едкое, совершенно беспощадное изображение эмигрантской столицы, выполненное в острой снижающе-иронической манере «от противного», которому противопоставлен намеренно самоуничижительный образ «болота» провинциальной Варшавы:

» У нас здесь очень трудно и душно, все время завидуем вам. В столице все-таки жизнь идет интенсивнее, а главное плодотворнее [...] Что же касается большевиков, то они, во-первых, надосели, а во-вторых, мы, слава Богу, не в России, а потому над нами не каплет. Поэтому напр<имер> непримиримость «Своего Угла»¹⁶ меня раздражает. Слишком

15 «Все больше думаю, что эмиграция кончена и нечего с ней возиться. Но это, конечно, в подсознании. Сознательно же надо действовать как будто» (29 июня 1926 г.); «Что там ни говори, но мы бессрочные арестанты» (3 сентября 1926 г.).

16 «Молодежное» приложение к «За свободу!», см. письмо Философова Гиппиус от 29 октября 1927 г.: «Ко мне уже давно пристают местные организации молодежи, чтобы им отвести “свой угол” в газете. У нас есть ОРМ (Объед<...> Русск<...> Мол<...>), Союз студентов (в Вильне и в Варш<...>), *Барка поэтов* (Вильно), какая-то “Лодка”. Я пошел им навстречу и вчера мы заседали, чтобы определить взаимоотношения. Я требовал, чтобы их “Листок” прилагался к газете вроде как “Борьба за Россию” или “Илл<...> Россия”, т.е. чтобы они сами за себя отвечали. А они боятся. С одной стороны, большой бунт против “отцов”, с другой, ощущение своей неопытности и искание помощи. Я все-таки настоял на своем, сказал им, что они должны показать себя такими, как есть, а если будут говорить глупости, буду их ругать».

у них узкие горизонты, мало культуры! И, кроме того, большинство из них здешние уроженцы, польские подданные. А быть польским подданным ужасно провинциально! Уж лучше быть сербским гражданином. Там король, Савва и Драва и дружеская для русских атмосфера¹⁷. О Прусте, неосв<ятой> Терезе, Клоде Фаррере, Madame de Манциарли¹⁸ понятия они не имеют. Страшно сказать, не читали даже Адамовича! Только о большевиках и думают, как будто на большевиках свет клином сошелся. Все это делает их чрезвычайно скучными провинциалами.

Эпистолярная интимность здесь оборачивается острой политической публицистикой, автор которой – не давний близкий друг «Дима», а непримиримый главный редактор антибольшевистской газеты.

ЛИТЕРАТУРА:

Amfitiatrow i russkije w Pol'sze (1922-1932), publ. D.I. Zubarewa, w: „Minuwszeje. Istorczieskij Almanach”, wyp. 22, Sankt-Petersburg 1997;

Deich A., *Gołos pamiaty. Teatralnyje wpieczatlienija i wstriecki*, Moskwa 1966;

Dielo Koberdy. Ijuń 1027. (Ubijstwo Wójkowa i dielo Borisa Koberdy), Warszawa-Pariz 1927 [1928];

Gippius Z., *Niezwiestnaja proza w 3 t.*, t. 2, Sankt Petersburg 2002;

Krzyżycki K.G., *Dorogi teatralnyje*, Moskwa 1976;

Litieraturnaja enciklopedija Russkogo Zarubieżija. 1918-1940, t. 2. *Pieriodika i litieraturnyje centry*, Moskwa 2000;

Otluczenije ot cerkwi, „Za swobodu!” 1925, nr 145 (1549), 5 ijunija;

Raskol sriedi prawoslawnych w Wilnie, „Za swobodu!” 1925, nr 144 (1548), 4 ijunija;

Rieszenije Sinoda w Wilnie, „Za swobodu!” 1925, nr 150 (1554), 10 ijunija;

Tichwinskaja L., *Kabare i teatry miniatyur w Rossii. 1908-1917*, Moskwa 1995;

Wokrug otluczenija ot cerkwi, „Za swobodu!” 1925, nr 147 (1551), 7 ijunija;

„Za swobodu!” 1926, nr 110 (1841), 12-14 maja, s. 1;

„Za swobodu!” 1926, nr 111 (1842), 15-16 maja, s. 1.

17 Ироническая отсылка к статье Гиппиус «Письмо о Югославии», опубликованной в «За свободу!» 7 декабря 1928 г., после возвращения Мережковских из Белграда, где они в сентябре принимали участие в работе Первого съезда русских писателей-эмигрантов, организованного югославским правительством/

18 Манциарли Ирма Владимировна (?–1950-е) – теософка, журналистка, благотворительница; была соредктором журнала «Числа» и оказывала ему материальную поддержку.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Pisma D.W. Filosofova k Z.N. Gippius (1920-1932). Amherst Russian Center. Zinaida Gippius and Dmitrij Merezhkovsky Papers. Series 1. Subseries 1. Filosofov Dm.

Ключевые слова: диалог, столица, провинция, аксиология, эпистолярный

OLGA DEMIDOWA**DIALOG WARSZAWY I PARYŻA O AKSJOLOGII EMIGRACJI (NA PODSTAWIE LISTÓW DMITRIJA FIŁOSOFOWA DO ZINAIDY GIPPIUS ORAZ CZASOPISMA „ZA SWOBODU!”)**

Artykuł, który korzysta z materiału niepublikowanych listów Dmitrija Fiłosofowa do Zinaidy Gippius z lat 1924-1932 oraz wydawanego w Warszawie czasopisma rosyjskich emigrantów „Za swobodu!” z tego samego okresu, odtwarza epistolarną polemikę między uczestnikami dialogu, trwającą w latach dwudziestych i wczesnych latach trzydziestych. Listy pisane z Warszawy do Paryża i warszawskie pismo prezentują „prowincjonalny” punkt widzenia emigracji. Natomiast liczne aluzje do rosyjskich periodyków emigracyjnych drukowanych w Paryżu oraz odpowiedzi samej Gippius, łatwe do zrekonstruowania na podstawie listów Fiłosofowa, a także jej artykuły, publikowane na łamach „Za swobodu!” oraz w paryskich emigracyjnych dziennikach i czasopismach, odzwierciedlają punkt widzenia przedstawicielki emigracji przebywającej w metropolii. Głównym tematem dyskusji pozostają wartości moralne, polityczne i kulturowe rosyjskiej emigracji, dialog zaś stanowi dowód, że te dwa systemy aksjologiczne – Warszawy i Paryża – pod wieloma względami bynajmniej nie były takie same.

SŁOWA KLUCZE: dialog, stolica, prowincja, aksjologia, epistolografia

OLGA DEMIDOWA**THE DIALOGUE BETWEEN WARSAW AND PARIS ON THE AXIOLOGY OF EMIGRATION (ON THE BASIS OF LETTERS BY DMITRY FIŁOSOFOV TO ZINAIDA GIPPIUS AND THE “FOR FREEDOM!” NEWSPAPER)**

The paper, based on Dmitry Filosofov’s unpublished letters dated 1924-1932 to Zinaida Gippius and the Warsaw Russian émigré newspaper “Za swobodu!” (“For

Freedom!”) of the same period, reconstructs the epistolary polemical dialogue between them that lasted during the 1920-s – early 1930s. The letters written from Warsaw to Paris and the Warsaw newspaper presented the émigré ‘provincial’ standpoint, while numerous allusions to Paris Russian émigré periodicals as well as Gippius’s replies, which are easily detectable in Filosofov’s letters and her articles in both “Za svobodu!” and Paris émigré newspapers and journals, reflected the standpoint of the Russian émigré capital. The major problem under discussion was that of émigré moral, political, and cultural values, the dialogue proving that the two axiological systems – those of Warsaw and Paris – were in quite a few respects far from identical.

KEYWORDS: dialogue, capital, provinces, axiology, epistolaria